

С.Е. Розенберг

МЕРКАНТИЛИЗМ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (очерк из истории экономической мысли)*

Введение

Экономическая система физиократов, как вообще все экономические и общественные доктрины XVIII в., вытекает непосредственно на критики существовавшего тогда во Франции социально-экономического строя. Социально-экономические интересы определенной эпохи сознательно или бессознательно находят свое выражение в научных взглядах той или иной системы. «В таких, — говорит М. Ковалевский, — по-видимому, отвлеченных трактатах, как “Дух законов” или “Рассуждение Руссо об источнике неравенства”, поднимались и так или иначе решались не одни только общечеловеческие вопросы, но и те, которые составляли злобу дня, предмет ежечасных забот, если не правительства, то общества»¹. В еще большей степени это применимо по отношению к физиократической системе. Даже самые отвлеченные рассуждения физиократов теснейшим образом связаны с борьбой против господствовавшей в то время социально-экономической системы. Физиократы искали не отвлеченную истину» а средства к поднятию благосостояния страны. Система физиократов возникла из борьбы против меркантилистической системы. Каждое положение, каждый тезис этой школы направлен своим острием против кольбертизм-

* **От редакции.** Статья публикуется с сокращениями по изданию: Розенберг С. Меркантилизм и социально-философские основы физиократической системы. (Очерк из истории экономической мысли) // Сборник трудов профессоров и преподавателей ИГУ. Т. XIII. Иркутск, 1927. С. 75–156. Поскольку статья представляла собой лишь часть более обширной работы, носившей рабочее название «Меркантилисты и физиократы», редакция сочла возможным перепечатать на страницах журнала те ее главы, что посвящены меркантилистической системе. Названия глав, публикуемые в квадратных скобках, приводятся по изданию статьи отдельным оттиском, где автор счел необходимым озаглавить отдельные разделы своей работы. Редакционная правка текста коснулась, главным образом, написания имен собственных и исправления замеченных опечаток. Уточнены выходные данные ряда работ, на которые ссылается автор. Там, где это возможно, их библиографическое описание дается в соответствии с действующими правилами.

ма — французской разновидности меркантилизма. Физиократы развертывают свою систему в процессе критики меркантилистических взглядов. На самом деле, их рассуждения о ценности, деньгах, торговле, налоговой системе, валовом и чистом доходе и т.д. — все эти рассуждения имеют своей целью доказать ошибочность меркантилистических взглядов. Поэтому исследование сущности физиократической системы невозможно без ознакомления с взглядами меркантилистов. Правда, представления последних о движущих силах хозяйственной деятельности людей не связаны в определенную, стройную систему. Однако меркантилизм есть первая попытка систематизировать практические мероприятия, необходимые для первых шагов деятельности зарождающейся буржуазии. Меркантилизм соответствует раннему периоду — детству капиталистической системы, тому периоду, когда буржуазия могла выступить пионером нового хозяйственного строя только в союзе с сильной централизованной королевской властью. Отсюда — опека государства над хозяйственной деятельностью, вмешательство путем регламентов, таможенных тарифов и торговых договоров в область торговли и промышленности. Физиократическая же система есть теоретическое выражение интересов и нужд буржуазии на второй ступени развития капиталистической системы. Если меркантилизм отвечал тому периоду, когда торгово-промышленный класс был слаб, то физиократизм, наоборот, есть выражение сознания экономической силы и самостоятельности буржуазии². Последняя, окрепши и научившись ходить при помощи «меркантилистических костылей»³ стала тяготиться государственной опекой и регламентацией. В эпоху меркантилизма, т.е. до начала XVIII ст. государство рассматривало развитие промышленности лишь как средство для своего политического преобладания над другими странами. Экономическая конкуренция была, главным образом, орудием политической конкуренции. Интересы буржуазии рассматривались сквозь призму интересов королевской власти⁴.

Так было до XVIII в. Но XVIII в. — век чреватый промышленной революцией — выпятил на авансцену интересы и нужды промышленности и, следовательно, буржуазии как самоцель. В начале XVIII ст. капиталистическая система выросла уже из меркантилистических «пеленок»; ей нужна была свобода хо-

зяйственной длительности. «Laissez faire, laissez passer» — вот лозунг буржуазии XVIII в.⁵

В эпоху господства меркантилизма сферой деятельности буржуазии был обмен, обращение продуктов, созданных, главным образом, в феодальной обстановке натурального хозяйства. «Надо принять во внимание, — говорит К. Маркс, — что в современную им (т.е. меркантилистам. — С. Р.) эпоху большая часть национального производства обращалась еще в феодальных формах и служила непосредственным источником потребления самих производителей. Продукты не превращались по большей части ни и товары, ни в деньги, не входили вообще во всеобщий обмен веществ... и не составляли в действительности буржуазного богатства»⁶. До тех пор, пока буржуазия господствовала лишь в сфере обращения, господствовали в умах меркантилистические взгляды. Но как только буржуазия стала проникать в сферу производства, революционизируя и преобразовывая ее — ей тесно стало в рамках все охватывающей и все регулирующей государственной опеки. Для овладения производственными процессами требовалась полная свобода действий. И понятно, что она уже не может ограничиваться отдельными, разрозненными меркантилистическими рассуждениями о торговле, деньгах и т.п. Нужна стройная научная система, которая обосновала бы необходимость этой свободы действий. И такая система была создана, система, которая доказала необходимость свободы конкуренции, исходя из естественных законов, установленных божественной властью. Это — система физиократов во Франции и А. Смита в Англии.

Меркантилисты являются представителями той буржуазии, которая начала только борьбу против феодальных производственных отношений. Физиократы родились на грани двух эпох: феодальной и капиталистической. Они являются идеологами той буржуазии, которая вела уже борьбу с остатками феодального способа производства. «Меркантилисты, — говорит А. Миклашевский, — были, если можно так выразиться, повивальными бабками нарождающегося капитализма; физиократы — его крестными отцами»⁷. Ниже мы постараемся выяснить, почему неизбежная реакция против меркантилизма вылилась во Франции в физиократическую систему, а в Англии она приняла другую форму.

I. [Сущность меркантилистической системы]

Меркантилизм, как система хозяйственной политики, господствовал в Европе с XV⁸ до середины XVIII в., причем около половины XVII в. он достиг высшей ступени своего развития и значения. С легкой руки А. Смита утвердился взгляд, что основным решающим признаком меркантилизма является отождествление денег с богатством. Такой взгляд, как мы покажем это ниже, неверен. Вообще нам кажется, что при оценке меркантилизма, как системы экономической политики, необходимо исходить из тех экономических условий, которые ее создали. Это, во-первых. А во-вторых, нельзя рассматривать меркантилизм, как застывшую систему, характеризующуюся определенными положениями. В меркантилизме мы должны различать, по крайней мере, две фазы развития, обусловленные различной степенью развития торговли. Развитие и расширение торговых сношений неизбежно должно было наложить свой отпечаток на меркантилизм и видоизменить его⁹. Глубоко прав А. Миклашевский, который заявляет: «меркантильная доктрина имеет свою долгую и поучительную историю... Среди меркантилистов можно подметить великое разнообразие всяких течений и их доктрина значительно усложняется по мере развития самой экономической жизни... Меркантилисты как бы следуют в своих учениях за самим процессом развития экономической жизни»¹⁰. При таком, если можно так выразиться, диалектическом подходе к анализу меркантилизма невозможно квалифицировать его как простое заблуждение и просто «ложную теорию»¹¹, как это делает А. Смит. Меркантилистическая практика варьировалась в различных странах в зависимости от целого ряда различных факторов. Меркантилизм в Англии, Франции и Голландии значительно отличается друг от друга.

Что же является основным положением меркантилизма? Нам кажется, что характерным моментом для всего меркантилизма является *утверждение, что богатство одной нации может увеличиться только за счет уменьшения его у другой посредством внешней торговли.*

Все остальные положения являются производными и вытекают из этого основного. На самом деле, чтобы присваивать себе посредством внешней торговли определенную часть прибавочного продукта других стран, необходимо было регулировать торгов-

лю и промышленность, необходимо было следить за тем, чтобы колонии вели торговые сношения исключительно с метрополией для ее обогащения. Отсюда — колониальная политика, очень распространенная при меркантилизме. Отсюда — навигационные акты и таможенные тарифы. Мореходство играет большую роль во внешней торговле, поэтому обращали сугубое внимание на его развитие, на расширение и укрепление торгового флота. Открытие Америки вызвало усиленный поток серебра и золота в Европу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что богатство отождествляется у меркантилистов с деньгами. При переходе к денежному хозяйству продукты, попадая в сферу обращения, принимают форму денег — воплощения меновой стоимости. Отсюда смешение денег с богатством. Мы уже сказали выше, что буржуазия в этот период была еще слаба для осуществления этой важной задачи, т.е. для увеличения богатства страны. Поэтому она вынуждена была прибегать к помощи государственной организации. Отсюда регламенты и ограничения, устанавливаемые государственной властью в области торговли и промышленности. Внешняя торговля связана с усиленной конкурентной борьбой. Но последняя велась не отдельными частными лицами, а государствами. Поэтому экономическое преобладание одной нации над другой достигалось не столько экономическими мероприятиями, сколько чисто военно-политическими. Но в военном деле решающую роль играет численность армии. Отсюда то большое значение, которое придавалось тогда густому населению.

Немецкий экономист В. Рошер считает, что меркантилизм характеризуют следующие положения: 1) стремление придавать чрезмерное значение большому запасу драгоценных металлов; 2) стремление превозносить иностранную торговлю перед внутренней, обрабатывающую промышленность перед добывающей; 3) стремление придавать слишком большое значение густому населению как элементу национальной силы и 4) стремление прибегать к деятельности власти для искусственного достижения желательных целей¹².

Рошер правильно подметил все черты меркантилистической системы¹³, но он не показывает нам, какое из этих положений является важнейшим и решающим. Он не дает нам никакого социально-экономического анализа, из которого вытекала бы

необходимость приведенных выше положений. Решающим и основным во всей меркантилистической системе является, как сказано нами выше, положение, что богатство одной нации может возрасти только за счет уменьшения его у другой нации. **В этом положении заключается сущность меркантилизма.** Для того чтобы это доказать, необходимо вскрыть социально-экономические корни меркантилизма. Нам станет тогда ясно, почему мы считаем этот момент решающим.

Мы уже сказали выше, что меркантилизм — система взглядов, отвечавших первому периоду развития капитализма. Меркантилизм складывался в обстановке переходной, когда хозяйство Европы переходило с рельсов натурального хозяйства на новые — денежные. Расширились меновые отношения, но способ производства остался без изменения. Производственная основа осталась прежняя. Но пионеры капитализма — торговые капиталисты, должны были доказать, что переход к новой системе выгоднее. Они должны были доказать, что новый хозяйственный порядок, носителями которого они являлись, приведет к расширению хозяйственной базы, к возрастанию богатства страны. Но как этого добиться при сохранении старой производственной системы? Остается одна область — торговля — это посредствующее звено между производством и потреблением. «Собственно буржуазной экономической сферой, — говорит К. Маркс, — была в то время сфера товарного обращения»¹⁴. Только через торговлю могла буржуазия тогда воздействовать на производство, превращая его постепенно в товарно-капиталистическое. «На основе всякого способа производства, — говорит К. Маркс, — торговля благоприятствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен для того, чтобы увеличить потребление или сокровища производителей... Следовательно, она придает производству характер производства, все более имеющего своей целью меновую стоимость»¹⁵. И разумеется, что внутренняя торговля, т.е. перемещение продуктов из феодальной деревни в город, и из одного хозяйства в другое вообще, не могла увеличить богатства страны. Посредством внутренней торговли происходит только перемещение богатства из рук одной группы общества в руки другой¹⁶. Остается одна внешняя торговля. Продукты, вывозимые за границу, продаются с

надбавкой к себестоимости. Таким образом, приращение богатства в рамках национального хозяйства становится наглядным. Отсюда — «Profit upon alienation», т.е. прибыль от отчуждения. Отсюда положение меркантилистов, что прибавочная стоимость создается в сфере обращения, а именно: во внешней торговле. «Первое понимание ее (т.е. прибавочной стоимости. — С. Р.), — говорит Ф. Энгельс, — было пониманием, вытекавшим из непосредственной купеческой практики: прибавочная стоимость образуется от надбавки к стоимости продукта. Этот взгляд преобладал у меркантилистов»¹⁷. Отсюда учение о торговом балансе, как о краеугольном камне экономической политики, могущей обогатить страну. А. Онкен по этому поводу говорит: «Место мировой политики уравнивания, свойственной средним векам, занимает взаимное соперничество национальных государств, причем каждая часть стремится выиграть на счет другой в материальном и политическом преобладании, двух обуславливающих друг друга факторах... Торговый баланс — единственная догма, которую выставила система меркантилизма. Это основное понятие, которое определяет собою всю теорию и вместе с тем это центральный вопрос, которым занимается вообще крайне богатая литература этой эпохи»¹⁸.

Итак, характерной чертой меркантилизма является торговый баланс, т.е. система мероприятий, направленных на то, чтобы вывоз превышал ввоз. Но превышение вывоза над ввозом вообще может быть определено лишь посредством денег как мерила стоимости. Отсюда отождествление денег с богатством. И это отождествление неизбежно вытекало из хозяйственной обстановки того периода. На самом деле, весь процесс производства рассматривался купцом с точки зрения обращения. Все хозяйственные акты преломляются у него через призму обращения товаров. Торговец-скупщик отдален от производства. Он стоит в сфере обращения, где материальные продукты принимают форму меновой стоимости. Обмен веществ в эпоху торгового капитала принимает форму $D-T-D'$, а купец является воплощением этого «Д». В его руках «Т» моментально превращается в меновую стоимость «Д», которая должна принести ему приращение «Д» — прибыль. Ясно поэтому, что имущество, богатство вообще, принимает у представителей торгового капитала форму де-

нег — драгоценных металлов. Анализируя процесс образования купеческого капитала, Маркс говорит: «Но какова бы ни была общественная организация в тех сферах производства, товарообмен между которыми обслуживается купцом, его имущество всегда существует как денежное имущество, и его деньги постоянно функционируют как капитал. Форма этого капитал постоянно одна и та же Д—Т—Д; деньги — самостоятельная форма меновой стоимости, исходный пункт и увеличение меновой стоимости — самостоятельная цель. Самый товарный обмен и обуславливающие его операции — обособленные от производства и совершаемые не производителями — суть лишь средство увеличения, увеличения не просто богатства, но богатства в его всеобщей общественной форме, богатства как меновой стоимости (курсив наш. — С. Р.)»¹⁹.

Таким образом, мы видим, что само отождествление денег с богатством может быть понято только исходя из анализа социально-экономической сущности меркантилизма. Понятно теперь, почему меркантилисты считали, что основная цель экономической политики государства заключается в накоплении денег.

Эту идею — идею торгового баланса мы находим у всех меркантилистов. Мисселден, который — по мнению Янжула — первый дал систематическое изложение основ меркантильной системы, по этому поводу говорит: «Когда торговля процветает, королевский доход увеличивается, земли и ренты улучшаются, судоходство увеличивается и бедный люд находит работу. С упадком же торговли все это падает»²⁰. Аналогичные рассуждения по этому вопросу мы находим у Т. Мана — самого авторитетного меркантилистического писателя. «Обыкновенное средство, — говорит он, — к увеличению нашего богатства и наших сокровищ есть иностранная торговля, в которой всегда мы должны держаться того правила, чтобы ежегодно продавать иностранцам своих товаров на большую сумму, чем мы потребляем их товаров». Эту же мысль Ман разъясняет на примере. Он продолжает: «Потому, предположим, что наше королевство имеет в избытке сукна, олова, свинца, железа и др. местных продуктов, и мы ежегодно вывозим этот избыток и чужие страны на сумму в двадцать две сотни тысяч фунтов. Через это мы получаем возможность купить за морем иностранных товаров для нашего потребления, положим, на

двадцать таких сотен, и тогда королевство делается богаче в один год на остальные две сотни, которые *должны быть возвращены домой не иначе как деньгами* (курсив наш. — С. Р.)»²¹.

Мы привели эту длинную цитату для того, чтобы доказать, что по Ману увеличение богатства страны на 200 фунтов стерлингов возможно только за счет другой нации, посредством внешней торговли. Значит, для Мана самым важным моментом является приращение богатства страны. Но т.к. богатство в сфере обращения принимает форму денег, то он требует, чтобы оно вернулось домой *«не иначе как деньгами»*.

Еще отчетливее эта мысль выражена у Дэвенанта. Он говорит: «Когда продукты потребляются внутри страны, один выигрывает только то, что теряет другой, и *нация вообще совсем не обогащается, но все, что потребляется за границей, представляет явную и верную прибыль* (курсив наш. — С. Р.)»²². В другом месте он говорит: «Торговля, которая ограничивается только нами (Англией), представляет мало выгоды для страны... Только внешняя торговля представляет крупный интерес и является важным государственным делом»²³.

Следовательно, и для Дэвенанта прибыль, т.е. приращение богатства страны, получается только посредством внешней торговли.

Итак, мы выяснили, что основным и решающим является для меркантилистической системы утверждение, что только через внешнюю торговлю может обогатиться страна. Меркантилистическая экономическая политика стремилась к превышению вывоза над ввозом только потому, что это дает возможность привлечь в страну часть капитала из-за границы в виде денег. Но ошибочно будет делать отсюда вывод, будто меркантилисты считают, что богатство состоит исключительно из золота и серебра, как это делает А.Смит²⁴, а за ним все экономисты, за исключением А. Онкена. А. Смит изображает меркантилистов как наивных людей, зараженных обывательскими представлениями о деньгах и капитале. Вот какое представление о деньгах А. Смит навязывает меркантилистам: «Мы, — говорит он, — ежеминутно чувствуем, что главное дело состоит в том, чтобы иметь деньги; если мы обладаем ими, то при всякой другой покупке мы не можем встретить никакого затруднения... Обогатиться, значит приоб-

рести деньги; словом, на обыкновенном языке богатство и деньги составляют совершенно равнозначные слова»²⁵.

Т. Ман считает, что вывоз денег является средством для увеличения богатства страны, их вывозящей. «Деньги, — говорит Ман, — создают торговлю, а торговля увеличивает деньги. Поэтому, чем больше денег пускать в оборот, тем лучше. Если, приобретая некоторое количество денег через торговлю, мы и решимся сохранять их в государстве, то заставит ли это другие нации потреблять наших товаров больше, чем прежде, и наша торговля оживится ли и расширится? Конечно, нет. Такого благого действия не произойдет; скорее даже можно ожидать противного потому, что все согласится, что изобилие денег в стране делает национальные продукты дороже для иностранцев, которые и перестают их потреблять»²⁶.

Из этой цитаты видно, насколько ошибается Смит, приписывая всей меркантилистической системе в целом взгляд, что богатство состоит исключительно из золота и серебра. Глубоко прав поэтому Маркс, говоря: «Не следует представлять себе этих меркантилистов такими глупыми, какими их изображали впоследствии вульгарные сторонники свободной торговли»²⁷. Для иллюстрации своей мысли Маркс приводит следующую цитату из сочинения Дэвенанта! «Золото и серебро, — говорит Дэвенант, — действительно служат мерилом торговли, но источником ее происхождения у всех народов являются естественные и искусственные произведения страны, т.е. то, что производит ее земля, ее труд и ее промышленность... *Так что истинное и действительное богатство страны — ее собственные произведения*»²⁸.

Итак, отождествление денег с богатством не является решающим признаком меркантилизма.

II. [Два периода в развитии меркантилистической системы]

Посмотрим теперь, какие мероприятия принимались для того, чтобы достигнуть основной цели — увеличения богатства страны — на всем протяжении господства меркантилистической системы.

Мы сказали выше, что меркантилизм нельзя рассматривать как неподвижную и застывшую систему, что надо различать в

меркантилизме, по крайней мере, две фазы развития: 1) систему денежного баланса и 2) систему торгового баланса. Проследим эти этапы развития меркантилистической системы на экономической истории Англии. В царствование Ричарда II (1377–1405 г.) король обратился к лондонскому купечеству с вопросом, какие меры необходимы для поднятия благосостояния страны. Лондонское купечество ответило: «Мы должны стараться покупать у иностранцев менее чем продавать». Для осуществления этого принципа установлена была система торговой политики, которую Янжул называет **системой денежного баланса**. При этой системе деятельность государства была направлена на то, чтобы получить излишек денег от каждой торговой сделки с иностранцем. Поэтому в ранний период развития меркантилизма в Англии вывоз денег был абсолютно запрещен²⁹. Эта система преследовала двоякую цель. Во-первых, привлечь в страну побольше монеты из-за границ и, во-вторых, не выпускать из страны уже имеющиеся в ней деньги. Для осуществления первой цели были устроены так называемые складочные места (Staple Towns). Туда англичане доставляли свои товары.

«Чтобы извлекать выгоду из этой торговли и контролировать ее были учреждены особые корпорации из мэра, констеблей и братства склада, которые должны были исполнять две обязанности: во-первых, смотреть за правильностью сбора пошлин, подлежащих королю при вывозе шерсти; во-вторых, следить за тем, чтобы часть уплачиваемых денег при всякой отдельной продаже состояла из монеты или металла, которые предназначались для ввоза в Англию. Пропорция этой уплаты разнилась время от времени, но всегда была регулирована»³⁰. Более сложный аппарат требовался для того, чтобы удержать деньги в стране. Важнейшим средством для достижения этой цели считался так называемый «статут истрачения», который состоял в том, чтобы всякий иностранец, ввозящий товары в Англию, покидая ее «истратил» бы полученные деньги на покупку английских товаров и не вывозил бы из Англии денег. Для выполнения требований этого статута был установлен строгий надзор за приезжающими иностранными купцами. Последние должны были состоять под надзором известных людей, называемых «хозяевами». Они должны были следить за тем, чтобы их

«гости» — так назывались иностранные купцы — продали все свои товары в течение 8-ми месяцев и употребили бы вырученные деньги на покупку английских товаров. «Хозяин, — говорит Янжул, — должен вести точный список в отдельной книге всякой продаже и покупке, совершенной иностранцем: копию с этой книги он посылал два раза в год, на Святой и в Михайлов день, в казначейство... Если же последний (т.е. иностранный купец. — С. Р.) при въезде в Англию избегал брать хозяина или был относительно его непослушен, то сажался в тюрьму или подвергался иному наказанию»³¹. Во второй половине XVI ст. вместо «хозяев» надзор за иностранными купцами выполнял штат государственных чиновников.

Для того, чтобы иностранцы покупали английские товары и не вывозили бы денег из страны, необходимо было регулировать производство, следить за качеством и формой вырабатываемых продуктов. Вот почему еще в этот период развития меркантилизма государство начинает регулировать процесс производства при помощи регламентов и запрещений.

Система денежного баланса соответствовала раннему периоду меркантилизма, когда торговые связи между Англией и другими странами были незначительны. Но с середины XVI ст. положение изменяется. Географические открытия конца XV в. должны были вызвать переворот в торговле и расширить международный обмен. «Не подлежит никакому сомнению, — говорит Маркс, — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII в. после географических открытий и быстро продвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства»³². В Англии внешняя торговля в XVI в. значительно возросла. К концу XVI в. ее внешняя торговля увеличилась в 4–5 раз в сравнении с торговлей начала XVI в. «В XVI ст., — говорит Гиббинс, — было положено основание коммерческой предприимчивости и морской торговле англичан... В продолжении всего XVI в., и особенно в конце его, английские внешние торговые сношения разви-

вались так быстро как никогда, и в этот период были положены основания громадной мировой торговле настоящего времени»³³. С середины XVI в. в царствование Елизаветы (1533–1603 г.) начинается борьба Англии против Ганзы, закончившаяся закрытием в 1598 г. ганзейского склада товаров в Лондоне. Этим был нанесен сокрушительный удар Ганзейской торговле. Но Англия боролась не только против Ганзы. Она стремилась к господству в мировой торговле. В конце XVI ст. торговое могущество Антверпена перешло к Лондону. С момента гибели Армады (громадный флот, посланный к берегам Англии Филиппом II) Лондон «сделался главным европейским рынком, где можно было найти рядом с новыми сокровищами Америки разные продукты Европы и Востока»³⁴.

Разумеется, что с расширением и усложнением торговых связей Англии с иностранцами неизбежно должна была измениться ее торговая политика. «Понятно, — говорит Янжул, — что при новых условиях исключительная торговая политика Англии не могла не подвергнуться многим изменениям. При системе денежного баланса самый строгий правительственный надзор обнимал все операции внешней торговли; но при сильном возрастании ее самые размеры делали контроль невозможным и вызывали непременно существенные отступления от регуляций системы денежного баланса»³⁵. На самом деле, надзор за передачей денег в каждой торговой сделке англичанина с иностранцем стал просто невозможным с введением в оборот векселей и распространением кредитных сделок. Вексель мог передаваться по несколько раз из рук и руки, причем невозможно было определить, на кого падет окончательная уплата: на англичанина или на иностранца. Учреждение Ост-Индской компании в 1600 г. должно было доказать на деле, что запрещение вывозить из страны драгоценные металлы нецелесообразно. И действительно, этой компании пришлось вывозить много золота в уплату за колониальные товары, которые она покупала в Индии. И, несмотря на это, она очень быстро разбогатела, а страна ничего не теряла от вывоза денег. А. Смит говорит по этому поводу в главе «Исключительные стеснения»: «Хотя наибольшая часть индийских произведений покупается на золото и серебро, тем не менее, вывоз из Англии в различные страны

доставляет стране больше золота и серебра, чем сколько было заплачено за них при покупке»³⁶.

Таким образом, под влиянием изменений, которым подверглась экономика страны, произошла перемена и в экономической политике. Система денежного баланса не могла уже на данной ступени развития быть орудием для осуществления важнейшей задачи того времени — увеличения национального богатства. Система денежного баланса уступает свое место системе торгового баланса. Главное внимание обращается теперь на привлечение богатства в виде денег в страну путем поощрения вывоза. Основная задача заключается теперь в том, чтобы вывоз по своей ценности превышал ввоз и таким образом увеличил богатство страны. Но для того, чтобы получить активный торговый баланс, необходимо было поощрять вывоз и задерживать ввоз. «Главная задача политической экономии, — говорит А. Смит, — обратилась в возможное уменьшение ввоза иностранных товаров для внутреннего употребления и возможное увеличение вывоза предметов народной производительности. Поэтому, для обогащения страны, приведены были в действие две великие пружины: *стеснение ввоза и поощрение вывоза*»³⁷.

Итак, основная задача — побольше вывозить товаров из страны. Но какие продукты было выгоднее всего вывозить. Разумеется, продукты обрабатывающей промышленности, ибо мировой рынок предъявлял спрос именно на эти продукты. Кроме того, при неудовлетворительных в то время средствах сообщения наиболее удобными для внедрения на мировом рынке являются более дорогие и легко перемещаемые мануфактурные изделия. «Мануфактурные изделия, — говорит А. Смит, — в особенности самые утонченные, перевозятся из страны в страну гораздо легче, чем скот или хлеб; поэтому главный предмет иностранной торговли составляют мануфактурные произведения»³⁸. Поэтому меркантилистическая система поощряет преимущественно развитие обрабатывающей, а не добывающей промышленности. Развитие обрабатывающей промышленности является одним из способов достижения основной задачи — превышения вывоза над ввозом. Но эта задача достигается целой системой мероприятий, к рассмотрению которой мы теперь и переходим.

III. [Роль покровительственных пошлин в меркантилистической системе]

Итак, основная задача меркантилистической политики заключается в развитии мануфактур. Чем больше будет развита обрабатывающая промышленность данной страны, тем больше будет она вывозить своих товаров — промышленных изделий — на мировой рынок. Но благоприятный торговый баланс получается не только в результате значительного вывоза. Вывоз должен превышать ввоз. Поэтому необходимо было привести в движение эти «две великие пружины: стеснение ввоза и поощрение вывоза». Лучшим средством для достижения этой цели считалась таможенная политика. Путем высоких пошлин стеснялся ввоз из заграницы тех мануфактурных изделий, которые могли быть произведены в данной стране. Точно также ставились препятствия путем высоких пошлин или прямого запрещения ввозу «всех почти произведений, шедших из страны, торговый баланс которой предполагался избыточным»³⁹. А вывоз поощрялся освобождением от пошлин, премиями, торговыми договорами и колониальной политикой.

Таможенная система была развита в Англии еще в средние века. Но цель таможенных тарифов при меркантилизме иная. Если прежде ввозные и вывозные пошлины имели своей целью «доставить работу народу», то теперь они являются могучим орудием конкурентной борьбы за овладение мировым рынком. Эдуард VI в Англии, желая вытеснить Ганзейские товары из Англии, увеличил в 1552 г. пошлины на ввозимые Ганзой товары с 1 до 20%. Разумеется, что Ганза со своей стороны также реагировала путем повышения пошлины на товары, ввозимые в Ганзейские города из Англии⁴⁰. Эту таможенную борьбу против Испании и Ганзы продолжала Елизавета. Но своего кульминационного пункта таможенная система достигла в Англии при Кромвеле, авторе знаменитого навигационного акта. Этот последний был направлен своим острием, главным образом, против Голландии, считавшейся тогда самой сильной торговой державой⁴¹. Благодаря низким фрахтам Голландия захватила в свои руки торговый транспорт не только между Англией и другими странами, но и между Англией—метрополией и ее колониями. Кромвель навигационным актом, изданным в 1652 г., положил

конец этому могуществу. А. Смит, посвятивший 8 глав критике меркантилистической системы, считает, однако, что «акт мореплавания (т.е. навигационный акт Кромвеля. — С. Р.) составляет, быть может, самое мудрое из всех торговых постановлений Англии»⁴². Основные положения навигационного акта следующие: «1) Запрещается всякому судну, владелец которого, капитан и $\frac{3}{4}$ экипажа не великобританские подданные, вести торговлю с заведениями и колониями Великобритании или производить каботажную торговлю по берегам Великобритании под опасением конфискации судна и груза. 2) Большая часть самых громоздких товаров может быть ввезена в великобританские порты не иначе как на кораблях, упоминаемых в предыдущей статье, или на принадлежащих той стране, в которой приготавлиются ввозимые товары; при том владелец, капитан и $\frac{3}{4}$ матросов должны быть из той страны; кроме того, если товар ввозится на кораблях последнего рода, то они подвергаются двойной пошлине, взимаемой с иностранных произведений. Если же товары будут ввезены на кораблях, принадлежащих другой стране, то корабль и груз конфискуются... 3) Большая часть самых громоздких товаров не может быть ввезена даже на великобританских кораблях, если она ввозится не из той страны, которая производит их, под опасением конфискации корабля и груза... 4) Соленая рыба, китовый ус, сало и жир, если ловля и приготовление их происходило не на великобританских кораблях, не могут быть ввезены иначе, как с уплатой двойной таможенной пошлины»⁴³.

Не меньшее значение придавали покровительственным пошлинам во Франции. Но и здесь, как в Англии, их рассматривают не как самоцель, а лишь как средство для развития промышленности. Известно, что самый яркий представитель меркантилизма во Франции — Кольбер — видел и пошлинах только костыли, которые должны быть отброшены, как только отечественная промышленность окрепнет и сможет без искусственных мер выдержать борьбу на мировом рынке. До Кольбера во Франции таможенные тарифы устанавливались, главным образом, из фискальных соображений. Кольбер же поставил таможенные тарифы на службу развитию промышленности. Тариф 1664 г. распространялся на все товары, переправляемые через границы; тариф 1667 г. устанавливал категории покровительственных то-

варов и применялся не ко всем товарам. Разумеется, что иностранцы защищались тем же оружием. Так, напр., Голландия на тариф 1667 г. ответила в 1671 г. запрещением ввоза французских вин и водок. Это было одной из главных причин войны 1672 г. между Францией и Голландией.

Таким образом, покровительственные тарифы, задерживая ввоз иностранных товаров, создавали внутренний рынок для туземной промышленности. Совершенно ясно, что ввоз сырых материалов, необходимых для развития определенных отраслей промышленности, всячески поощрялся⁴⁴. Так, напр., тариф, установленный в 1664 г., имел в виду, главным образом, «поощрять снабжение Франции сырыми материалами»⁴⁵. Кольбер выразил цель и задачи применяемой им таможенной системы в поданной им королю записке в следующие слова: «Уменьшить вывозные пошлины на предметы продовольствия и на фабричные изделия королевства; понизить ввозные пошлины на все, необходимое для фабрик, отстранить, посредством возвышения пошлин, произведения иностранных фабрик»⁴⁶. *Итак, основная задача таможенной системы заключалась в том, чтобы способствовать развитию туземной промышленности. А развитие обрабатывающей промышленности, в свою очередь, как мы видели выше, есть средство для увеличения богатства страны.* Поэтому критика таможенной системы эпохи меркантилизма должна исходить именно из этого положения. Критики должны помнить, в чем заключалась основная задача покровительственных тарифов в то время. Ад. Бланки, напр., по нашему мнению, мало понял роль пошлин в меркантилистической практике. Он считает одной из ошибок Кольбера «чрезмерные пошлины, установленные тарифом 1667 г., с целью обеспечить Франции собственное производство тех предметов, которые она получала из заграницы»⁴⁷.

IV. [Торговые договоры и борьба за мировой рынок]

Итак, покровительственные пошлины способствуют развитию промышленности, предоставляя фактически туземным предпринимателям монополию на внутреннем рынке. Но мы ведь видели, что в эпоху меркантилизма важнейшее значение имеет внешняя торговля, мировой рынок. Но как завоевать внешний рынок? Необходимо, следовательно, поощрять вывоз товаров из

страны. Но государство данной страны не властно установить монополи на внешнем рынке. Эта задача — завоевание внешнего рынка — достигается косвенным путем. А. Смит по этому поводу говорит: «А как отечество (т.е. купцов. — *С. Р.*) не имеет законодательной власти над чужими народами и, стало быть, не может предоставить им монополию над ними, то они прибегают к просьбам о различных поощрениях вывоза»⁴⁸. Одной из распространенных мер поощрения вывоза является освобождение от пошлин. При вывозе товаров на внешний рынок туземный купец получал обратно весь налог или пошлину, которыми данные товары облагались внутри страны. Таким же образом освобождались от пошлины излишние иностранные товары, вывозимые из страны. Англия, напр., ввозила ежегодно, до восстания американских колоний, около 96 000 кип табаку, а для внутреннего потребления требовалось не более 14 000 кип. Для того чтобы поощрять вывоз излишка, экспортеры освобождались от пошлин с условием, чтобы табак вывозился из страны в течение 3-х лет⁴⁹. Таким же образом поощрялся вывоз английских вин и других товаров. «Постановлением 15 года Карла II, — говорит А. Смит, — передана Великобритании монополия снабжения колоний всеми товарами, произведенными в Европе»⁵⁰.

Расширению вывоза должны способствовать также премии, которые выдавались за вывоз товаров. Премии дают возможность промышленникам данной страны продавать товар на мировом рынке дешевле своих конкурентов⁵¹. Очень большую роль в деле расширения вывоза сыграли торговые договоры. Последние заключались с целью открыть привилегированный доступ в какую-либо страну определенным товарам данной страны. Ввоз этих же товаров из других стран прямо запрещался или облагался более высокой пошлиной. Такие торговые договоры отдавали внутренний рынок исключительно покровительствуемой стране. «Страна эта, — говорит Смит, — становится одновременно как обширнейшим, так и выгоднейшим рынком для их (т.е. купцов покровительствуемой страны. — *С. Р.*) товаров; обширнейшим — потому что по причине отстранения прочих народов или по причине более высокой пошлины на их произведения, рынок этот потребует большее количество товаров; выгоднейшим потому, что купцы покровительствуемой страны, пользуясь на

этом рынке как бы монополией, часто будут иметь возможность продать свои товары дороже, чем как могли бы продать их при свободном соперничестве с прочими народами»⁵². Такие торговые договоры стремились заключить все страны; все искусство государственных деятелей в области внешних сношений сводилось к умению всякими средствами добиться выгодного торгового договора с какой-либо страной. Очень широко применяли эти торговые договоры Англия и Франция. С половины XVI в. Англия пользовалась в России в царствование Иоанна Грозного широкими правами и льготами в области торговли. Согласно торговому договору англичане получили право беспошлинного ввоза своих товаров в Россию, а также вести торговлю через Россию с Востоком. Им было предоставлено исключительное право приставать в гавани двинские и на севере от Двины, заводить конторы и подворья. Английская монета имела свободное хождение в Москве, Новгороде и Пскове⁵³. Когда за англичанами потянулись в Белое море голландцы, датчане и норвежцы, англичане стали добиваться права исключительной торговли и России. Но этого им не удалось добиться. Они были освобождены только от пошлин. Кромвель в 1654 г. заключил с Португалией торговый договор, которым была установлена «Великая Хартия английских прав и привилегий в Португалии»⁵⁴. Согласно заключенному с Португалией дополнительному, т.н. Метуэнскому договору, в 1703 г. Англия получила право ввоза своих шерстяных изделий в Португалию.

Политику торговых договоров вела и Франция. В 1535 г. она заключила выгодный торговый договор с турецким султаном Селиманом Великолепным, согласно которому Франция фактически контролировала всю торговлю в Левантийских странах. В Саиде и других портах Сирии только французы имели свои фактории⁵⁵.

Этой же цели — расширению рынков сбыта — должна была служить колониальная политика. Она заключалась в том, чтобы заставить колонии покупать промышленные изделия только в метрополии, заставить их производить только сырье, которое должно было продаваться преимущественно тоже в метрополии⁵⁶. Для того чтобы колонии служили рынком сбыта для промышленности метрополии, принимались все меры к тому, чтобы

в колониях не возникали фабрики⁵⁷. Так действовала Англия по отношению к ее американским колониям. «Вследствие этой исключительной торговли часть избытка произведений, напр., английских колоний, состоящая из т.н. поименованных товаров, не может быть вывезена ни в какую страну, кроме Англии, у которой затем могут покупать их прочие народы. Поэтому произведения эти необходимо должны быть дешевле в Англии, чем в какой бы то ни было другой стране, и, стало быть, они должны увеличить благосостояние Англии более чем благосостояние прочих стран, и оказывать такое же содействие развитию в ней труда»⁵⁸.

Франция тоже искала в колониях рынки сбыта для продуктов городской промышленности. При Кольбере Франция начала колонизировать Америку и достигла в этом направлении значительных результатов⁵⁹.

V. [Регламентация производства при меркантилизме]

Итак, важнейшая задача меркантилистической политики заключается в завоевании внешнего рынка. Но победить на мировом рынке и вытеснить своих соперников сможет лишь та страна, в которой производство будет лучше организовано, где мануфактуры будут сильнее развиты, где качество продуктов будет выше, где продукты будут соответствовать требованиям внешнего рынка. А для достижения всего этого недостаточно одних, хотя бы очень мудрых «навигационных актов», торговых договоров и т.д. Для достижения этой цели необходимо вмешательство государства в сферу производства, необходимо прямое содействие промышленности со стороны государства. Отсюда государственная опека над промышленностью, осуществлявшаяся нередко путем принуждения.

Основным элементом производства является сырье. Поэтому каждая страна старалась не выпускать сырье из своих пределов. Чем больше сырых материалов в данной стране в сравнении с другими, тем больше у нее возможностей вытеснить своих соперников. В Англии очень рано начала развиваться шерстяная промышленность. Поэтому там встречаются еще с ранних пор строгие запрещения вывоза шерсти и овец, нарушение которых влекло за собой жестокие наказания. «Постановлением восьмого года Елизаветы, — читаем мы у А. Смита, — за вывоз овец,

ягнят и баранов виновный наказывался первый раз конфискацией на вечные времена всего своего имущества, годовым заключением в тюрьму, и по окончании этого срока в рыночный день у него должна быть отсечена левая рука, которая останется пригвожденной на площади города; в случае повторения преступления виновный судится как за измену и потому наказывается смертью»⁶⁰. Внутренней торговле шерстью в Англии ставили большие препятствия для того, чтобы она не вывозилась из страны. С еще большими затруднениями была сопряжена морская торговля. Каждый овцевод, находившийся в 20 милях от морского берега, обязан был представить три дня спустя после стрижки овец таможенному чиновнику письменную ведомость о количестве полученной шерсти и о месте ее нахождения⁶¹. Эти запрещения вводились с целью препятствовать другим странам развить у себя шерстяную промышленность.

Не менее важным элементом производства является живая рабочая сила. Поэтому строго следили за тем, чтобы из страны не выселялись рабочие и мастера. В Англии «всякий человек, избалованный в подговаривании ремесленника или фабричного работника Великобритании ехать работать или учиться своему ремеслу за границу, в первый раз подвергался штрафу в 100 фун. и 3-х месячному заключению»⁶². Французские мастера и рабочие были лишены права эмигрировать из страны. Узнав, что два мастера шелкового дела с 20 рабочими желают переехать в Испанию, Кольбер приказывает их арестовать, рабочим давать во время ареста умеренное содержание, а мастеров заставить «пострадать»⁶³.

Разумеется, что одних мер против эмиграции мастеров и рабочих было недостаточно. Необходимо было принимать меры к привлечению мастеров и рабочих из других стран. Этот способ широко применялся Кольбером. Темп развития промышленности во Франции при Кольбере задерживался, главным образом, отсутствием опытных мастеров, так как Франция в то время в экономическом отношении была страной отсталой. Французские цехи не могли дать сколько-нибудь искусных мастеров и рабочих для тех отраслей промышленности, которые Кольбер желал развить в стране. Поэтому он всеми мерами старался привлечь и страну из заграницы опытных стекольщиков, зеркальщиков, ткачей, суконщиков и др.⁶⁴

Для быстрого развития промышленности Кольбер приглашал во Францию владельцев готовых мануфактур со всем устройством и с рабочими, давал им субсидии и всякого рода льготы.

Одним из средств вытеснить соперников на мировом рынке являются дешевые цены на товары. Следовательно, государство должно было заботиться о том, чтобы цены на вывозимые товары всячески снижать. С этой целью предпринимались различные меры к понижению издержек производства. Но основным элементом производства является рабочая сила. Поэтому государство заботилось о том, чтобы заработная плата не была высока. Важнейшим средством удержания заработной платы на низком уровне являются дешевые цены на хлеб и другие предметы продовольствия. Для урегулирования этих цен препятствовали вывозу хлеба и других продовольственных продуктов из страны. Кольбер, напр., совсем запретил вывоз хлеба из Франции, в Англии вывоз хлеба запрещался только при известном уровне хлебных цен. Елизавета не допускала вывоз хлеба, как только его цена на внутреннем рынке превышала 10 шиллингов. При Вильгельме III государство старалось установить нормальную цену на хлеб путем регулирования ввоза и вывоза его. Низкий уровень заработной платы достигался не только путем регулирования хлебных цен, но и путем прямого регулирования заработной платы.

Способность к конкуренции данной страны усиливается не только относительной дешевизной товаров, но и их лучшим качеством. Поэтому государство обращало сугубое внимание на способ производства и качество продукции. Наибольшего своего развития регламентация производства достигла во Франции при Кольбере. Во Франции определенные продукты должны были производиться под строжайшим контролем государственных инспекторов, которые должны были следить за тем, чтобы производство велось по установленным государством регламентам. Регламенты устанавливали длину, ширину ткани, указывали, сколько ниток должно быть в основе и т.д. Всякое отклонение от регламента строго каралось. Плохо изготовленная материя выставлялась на эшафоте и висела там 48 ч с особой надписью, указывающей имя изготовившего ее мастера. По истечении 48 ч материя разрывалась или сжигалась. Если же мастер второй раз выпустил недоброкачественную материю, он подвергался пори-

цанию в общем собрании цеха. А в третий раз сам мастер выставлялся на эшафоте с образцами негодной материи⁶⁵. Но эта чрезмерная строгость Кольбера при регулировании промышленности объясняется тем, что Франция, как уже сказано выше, в сравнении с другими странами была отсталой. А Кольбер стремился к тому, чтобы промышленность Франции стояла по своему развитию выше, чем и других странах.

«Конечно, — говорит А. Онкен, — в этой системе (т.е. системе Кольбера. — С. Р.) было много опеки и насилия, но не следует забывать того, что приходилось спешить и наверстывать потерянное⁶⁶.

VI. [Меркантилистические взгляды в литературе]

Такова меркантилистическая практика. Посмотрим теперь, какое отображение нашла эта практика и меркантилистической литературе. Мы выше сказали, что в развитии меркантилизма надо различать две фазы развития. Но точнее будет разделить развитие меркантилизма на три этапа: 1) система денежного баланса, когда в сферу обмена вовлекалась незначительная часть национального богатства, когда международный обмен был слабо развит. Второй этап соответствует тому периоду, когда торговля, главным образом внешняя, достигла колоссальных размеров⁶⁷. Третий этап соответствует началу переходного периода, когда буржуазия начинает понемногу внедряться в промышленность, не ограничиваясь одной лишь сферой обмена. Представителем первого этапа является Вильям Стаффорд, второго этапа — Томас Ман, а третьего — Дэвенант и Чайлд. Разумеется, что взгляды этих трех литературных представителей меркантилизма не могут совпасть во всем. Что же дает право причислить их к меркантилизму, независимо от расхождения между ними по отдельным вопросам торговой политики меркантилизма. *То, что все они исходят из основного положения, что богатство страны возрастает посредством торговли.* Стаффорд — глава меркантилизма, по мнению Янжула, не придает слишком большого значения внешней торговле. По его мнению, для страны выгоднее покупать у своих, хотя бы по более высокой цене. «Все, что приобретается у нас от торговли с иностранцами, — говорит он, — уходит от нас навсегда, напротив, все, что мы, англича-

не, приобретаем друг у друга, остается дома, внутри страны»⁶⁸. Лучшим средством поднять благосостояние страны, по мнению Стаффорда, является покровительство туземной мануфактурной промышленности. Он говорит: «Я прошу вас обратить внимание на то, что иностранцы заставляют нас платить в конце концов за наш собственный материал; на нас же падают все иностранные таможенные пошлины, издержки по обработке и, наконец, пошлина при обратном ввозе в Англию. Между тем, если бы те же предметы были сработаны в королевстве, наши соотечественники получили бы лишний заработок, пошлины были бы платимы иностранцами, и чистая прибыль осталась бы в королевстве»⁶⁹. Он не высказывается, однако, за покровительство промышленности вообще. Всех промышленников он делит на три класса. К первому он относит торговцев колониальными товарами, виноторговцев, модисток и т.д. Они только вывозят деньги из страны. Второй класс составляют промышленники (мясники, портные, булочники), которые тратят в стране полученные деньги и не вывозят их. Наконец, к третьему классу относятся лица, занятые в отраслях промышленности, вывозящих свои изделия на внешний рынок, как, напр., шерстяная промышленность. Они-то увеличивают богатство страны, ибо они вывозят из заграницы деньги. Вот на эту отрасль промышленности государство должно, по мнению Стаффорда, обращать особое внимание и всячески покровительствовать ей.

Изменения, происшедшие в сфере международного обмена в XVII в., властно требовали перемены торговой политики. Практика показала, что вывоз денег из страны не ведет к уменьшению ее богатства. Система денежного баланса была заменена системой торгового баланса, ярким представителем которой в литературе является Т. Ман — бывший член дирекции Ост-Индской компании. Он выступает резко против запрещения вывоза денег и тем самым защищает Ост-Индскую компанию от нападков за нарушение «статута истрачения»⁷⁰. Он доказывает, что вывезенные компанией деньги из Англии в уплату за индийские товары возвращаются в страну с избытком, так как они продаются по более высоким ценам на внешнем рынке. Вывоз денег является лишь первым звеном в цепи торговых операций. Поэтому результат может быть выяснен только в конце, т.е. когда товары

превращены в деньги. Он говорит: «Если бы мы стали судить о земледельце только в минуту посева, когда он разбрасывает по земле такое количество прекрасных зерен, то мы могли бы принять его за безумного. Но если мы вспомним в то время о жатве, составляющей цель его забот, то можем оценить по достоинству его труды и вытекающее из них изобилие»⁷¹. Таким образом, Ман доказывает, что бессмысленно запрещать вывоз денег, что условием обогащения страны является превышение вывоза над ввозом, активный торговый баланс. Но этот торговый баланс должен охватить итог торговли со всеми странами. Торговый баланс с отдельными странами, как, напр., с Индией может быть иногда пассивным и это, тем не менее, не препятствует тому, чтобы общий баланс был активный. Для превышения вывоза над ввозом необходимо, по мнению Мана, стараться уменьшить ввоз тех товаров, которые могут быть произведены в стране. Он рекомендует также сократить потребление иностранных продуктов в пище и одежде. Только ввоз таких иностранных товаров, которые могут быть проданы иностранцам с прибылью, может способствовать увеличению национального богатства. Ман высказывается против запрещения ввоза иностранных товаров, ибо это — по его мнению, должно вызвать такое же запрещение ввоза английских товаров. Ман борется против денежного фетишизма. Он считает нелепой торговую политику, стремящуюся к тому, чтобы иностранцы покупали английские товары только за деньги. «Эта мера, — говорит он, — не доставит королевству ни одного лишнего пени в конце года. Что принудительно добыто одним путем, опять выйдет другим; при нас останется только то, что выиграно и присоединено к богатству страны посредством перевеса в торговле»⁷².

Янжул считает, что типичным представителем меркантилизма является В. Стаффорд. Одно из девяти выставленных Янжулом в начале книги положений гласит следующее: «В противность мнению Мак-Кулоха, Рошера и других, главой и типичным представителем английских меркантилистов должен считаться не Ман, а Вильям Стаффорд (1581 г.)». Нам кажется, что Янжул не прав. Это положение имеет своим исходным пунктом утверждение, что решающим признаком меркантилизма является отождествление денег с богатством. А Стаффорд, как мы видели

выше, подчеркивает, что от ввоза денег страна богатеет. Поэтому Янжул последовательно считает его воззрения характерными и типичными для всех меркантилистов. Из неправильного положения неизбежно вытекает неправильный вывод, Мы доказали выше, что меркантилизм характеризует не отождествление денег с богатством, а искание источника приращения национального богатства в сфере обращения, в $D-T-D+d$. Приращение «Д» означает приращение богатства. Но в эпоху меркантилизма речь шла не об увеличении «Д» в кармане отдельного купца, а об увеличении его в рамках национального государства. Поэтому о результатах торговой деятельности страны нельзя судить лишь по первой части формулы $D-T$, как это делает Стаффорд. Вывоз денег из страны, $D-T$, обозначает лишь первый акт в сфере международного обращения товаров. Об увеличении или уменьшении национального богатства можно судить лишь тогда, когда совершится и второй акт $T-D$. Если «Д» во втором акте больше чем в первом, значит страна увеличила свое богатство. Поэтому Ман говорит: «Деньги создают торговлю, а торговля умножает деньги. Поэтому чем больше денег пускать в оборот, тем лучше»⁷³. Ман глубоко уверен в том, что изложенные им взгляды соответствуют интересам и нуждам народного хозяйства той эпохи, что только осуществление его взглядов может привести к обогащению страны. Он говорит: «Пусть купцы совершают сделки по высокому или по низкому курсу, пусть иностранные государи произвольно изменяют достоинство своей монеты, и пусть его величество делает то же самое, или держит монету в той же стоимости, как теперь, пусть закон истрачения остается в силе, пусть купцы вывозят деньги... Однако, все эти действия не могут оказать на торговлю иного влияния, чем то, которое объяснено в настоящем труде. Богатства будут ввозиться или вывозиться соответственно с тем, дает ли торговый баланс перевес в нашу или чужую пользу. И это все должно происходить необходимо или неотвратимо, вне всякой возможности изменения. Все другие пути и средства усилить прилив денег в королевство может быть и произведут это, но только на время и в конце концов окажутся не только тщетными, но даже и вредными»⁷⁴.

Итак, Ман выступает против иллюзии, будто богатство составляют исключительно благородные металлы. Он первый вы-

двинул то положение, что активный торговый баланс является лучшим средством для увеличения национального богатства. А это положение, как мы видели выше, является основным и характерным для всей меркантилистической системы. Вот почему мы считаем, что типичным представителем меркантилизма должен быть признан Т. Ман, а не Стаффорд. Энгельс по этому поводу говорит: «Это сочинение (т.е. сочинение Мана “Рассуждение о торговле и т.д.” — С. Р.) уже в первом своем издании имело особенное значение в том отношении, что было направлено против монетной системы (т.е. системы денежного баланса. — С. Р.), защищаемой английским правительством и было первым толчком к установлению меркантильной системы в ее чистом виде... Совершенно переделанное самим автором и появившееся уже после его смерти в 1664 г. под заглавием: “England’s Treasure etc.”, сочинение это в течение последующих веков играло роль евангелия для меркантилистов. Если меркантильный период и ознаменовался какими-либо сочинениями, создающими эпоху..., то такая честь всецело принадлежит названному сочинению Т. Мана (курсив наш. — С. Р.)⁷⁵. Таким образом, мы видим, что Энгельс считает Мана представителем меркантилизма («в чистом виде»), что его сочинение было «евангелием» для меркантилистов и, наконец, что его сочинение создало эпоху. Но если Ман высказал впервые меркантилистические взгляды «в чистом виде», то думается, что этого вполне достаточно для того, чтобы считать Мана «главой и типичным представителем английских меркантилистов».

Чайлд продолжает дело Томаса Мана, защищая идею торгового баланса. Но он идет дальше Мана. Он доказывает, что состояние торгового баланса не может быть выяснено путем сравнения ввоза и вывоза товаров по пошлинным листам. Лучшим средством для определения торгового баланса страны — по мнению Чайлда — является движение торговых судов. «Повсюду, говорит он, где судоходство растет и при том не по временам, а и течение долгого ряда лет непрерывно, торговля очевидно выгодна для народа. При ежегодно возрастающем судоходстве все больше людей всех профессий находят себе занятия; в большом числе кораблей и матросов — сила и оплот Англии»⁷⁶.

Но каким образом может Англия добиться благоприятного торгового баланса? Чайлд считает, что большое значение имеет

уровень процента. Низкий процент — лучшее средство для достижения активного торгового баланса. При низком проценте торговля получает дешевый капитал, что дает ей возможность понизить цены товаров. Продавая товар на внешних рынках по более дешевым ценам, Англия сможет вытеснить своих конкурентов. «Низкий процент, — говорит Чайльд, — есть причина причин (*causa causans*) всякого богатства⁷⁷. Уровень процента — барометр хозяйственного развития страны. «Для того, чтобы узнать богата или бедна данная страна, — говорит он, — достаточно получить ответ на вопрос: “Каков уровень процента” (*quel y est le prix de l’interet de l’argent?*)»⁷⁸. Он доказывает это на примере Англии. Понижение уровня процента до 6 в 1651 г. повлекло за собою заметное увеличение богатства. За это время увеличилось количество карет; на бирже появилось после понижения процента большее число людей с капиталом в 1000 ф. стерлингов. Поэтому Чайльд считает важнейшей задачей государства продолжать снижение процента и довести его до 4, как в Голландии. А такое понижение % должно, по его мнению, увеличить богатства страны в течение 20 лет в два раза. И Англия сможет тогда успешно соперничать с Голландией.

Чайльд доказывает далее, что понижение процента выгодно и землевладельцам, так как оно повышает земельную ренту. Низкий уровень % вызывает подъем не только торговли, но и земледелия. «*Si nous voulons jeter les jeux sur la campagne, nous verrons, que depuis la reduction de l’interet elle est aussi ameliorie que le commerce*»⁷⁹.

Чайльд считает нецелесообразной регламентацию производства. Обязывая производить товары определенного качества, формы, длины и ширины и т.д., государство связывает и парализует инициативу производителя и не дает ему приспособляться к быстро изменяющимся потребностям и запросам со стороны рынка. Он справедливо указывает, что нельзя завоевывать внешний рынок, производя товар только одного определенного качества. Нация, говорит он, которая хочет господствовать на мировом рынке, должна производить различные товары, различного качества и различной формы для того, чтобы удовлетворять различным вкусам и потребностям.

Чайльд вообще высказывается за свободу торговли и промышленности⁸⁰. Он критикует законы Елизаветы об ученичест-

ве и высказывается против запрещения вывоза золота и серебра. «Золото и серебро, — говорит он, — превращенные или не превращенные в монету, хотя и употребляются как мера всех других вещей, тем не менее, составляют такой же товар, как вино, сукно, материи и т.п., и могут вывозиться с такой же выгодой для страны за границу, как и всякий другой товар». По поводу запрещения вывоза из Англии шерсти Чайлд говорит: «Лица, которые в состоянии платить высшую цену за данный товар, всегда получают его тем или иным путем, несмотря на все законы, запрещающие его вывоз; такой силой и свободой обладает торговля»⁸¹.

Таким образом, мы видим, что Чайлд расширяет и углубляет идею торгового баланса.

Идея торгового баланса выражена у Дэвенанта еще ярче и отчетливее чем у Мана. Он говорит: «Вывоз нашего собственного продукта должен обогатить Англию; чтобы торговый баланс был для нас выгоден, мы должны вывозить наш собственный продукт, в обмен на который мы будем покупать все производимые за границей предметы, нужные для нашего собственного потребления, причем у нас должен остаться излишек или *в виде благородного металла или в виде товаров*, которые мы могли бы продать в другие страны; этот излишек составляет ту прибыль, которую нация извлекает из торговли»⁸². Таким образом, источником богатства является и для Дэвенанта внешняя торговля, как и для Мана. Но он идет дальше. Если последний настаивает на том, чтобы излишек возвращался домой «не иначе, как деньгами», то Дэвенант делает шаг вперед и доказывает, что этот излишек не должен быть ввезен в страну обязательно деньгами. Важно лишь для него, чтобы получился остаток, но неважно и какой форме: «или в виде благородных металлов, или в виде товаров». Дэвенант отчетливее, чем Ман, выступает против денежного фетишизма. «Золото и серебро, говорит он, действительно служат мерилom торговли, но источником ее происхождения у всех народов являются естественные и искусственные произведения страны, т.е., то, что производит ее земля, ее труд и ее промышленность. И это до такой степени верно, что данный народ может в силу какого-нибудь обстоятельства совсем лишиться всякого рода денег; если это — народ многочисленный, промышленный, активный в торговле, искусный в

плавании, обладающий хорошими гаванями, владеющий почвой, родящей много разнообразных произведений, то он все-таки будет в состоянии вести торговлю, обогатиться и в скором времени сделаться обладателем большого количества серебра и золота. Так что истинное и действительное богатство страны — ее собственные произведения»⁸³. Итак, по Дэвенанту, источником богатства является не только внешняя торговля, но и «труд и промышленность». Точно также Дэвенант придает большое значение мореходству, считая его одной из отраслей хозяйства, способствующих возрастанию национального богатства. Дэвенант решительнее, чем Мзн, подчеркивает ту мысль, что деньги не составляют источник богатства. «Золото и серебро, — продолжает он, — так далеки от того, чтобы быть единственными вещами, заслуживающими названия сокровища или богатства данной нации, что поистине золото представляет собой не более как счетные марки, при помощи которых люди привыкли вести счета в своих деловых сношениях»⁸⁴. *Дэвенант, следовательно, окончательно разрушает иллюзию, что будто богатство составляют только деньги.* Ман же так далеко не идет. Наоборот, он считает, что «не название наших фунтов, шиллингов и пенсов уважается, а внутренняя ценность наших монет»⁸⁵.

Дэвенант высказывается против запрещений ввоза. В своих последних сочинениях он доказывает, что наибольшая выгода от торговли получается в том случае, если предоставить ее самой себе и не стеснять ее никакими регламентами. Наивно думать, говорит он — что торговый баланс Англии будет тем выгоднее, чем меньше она будет ввозить товаров из других стран. Ведь для того, чтобы покупать английские товары, другие страны должны продавать свои. «Страны, — продолжает он, — которые покупают наши товары, будут естественно надеяться на то, что и мы будем покупать известную долю их товаров. Если мы хотим вести обширную торговлю, то мы должны обращаться с другими странами не хуже, чем они с нами; мы должны не только продавать, но и покупать»⁸⁶.

Дэвенант считает вредной хозяйственную политику, стремящуюся к тому, чтобы производить в стране все необходимые продукты. Каждая страна — справедливо замечает он — должна развивать лишь те отрасли хозяйства, которые вследствие гео-

графических и других естественных условий могут быть очень производительными и выгодными. Англия, например, должна преимущественно развивать шерстяное производство, рыболовство и другие отрасли, для успешного развития которых имеются благоприятные естественные условия. Но нецелесообразно насаждать искусственно в Англии шелковое или льняное производство⁸⁷.

Рошер считает Дэвенанта «почти сторонником свободной торговли». Он говорит: «В сравнении со строгой запретительной системой того времени можно Дэвенанта считать почти сторонником свободы торговли»⁸⁸. Однако Дэвенант отстаивает необходимость существования привилегированных торговых компаний для торговли с Африкой и Ост-Индией.

Итак, Дэвенант и Чайлд отражают в литературе высший этап развития меркантилизма, чем Томас Ман. И это вполне понятно. Ман мог обобщить опыт меркантилистической системы первой половины XVII в., а Дэвенант и Чайлд — второй половины XVII в. Эволюция меркантилистической практики сопровождалась естественно соответственной эволюцией меркантилистической теории. Стаффорд, Ман, Дэвенант и Чайлд являются выразителями различных этапов и развития меркантилистической системы. Они все являются меркантилистами, несмотря на некоторое расхождение, существующее у них по вопросу о том, какими средствами можно достигнуть основной цели — возрастания национального богатства. Но исходный пункт у них один и тот же.

Рошер считает, что взгляды, Мана, Дэвенанта и Чайлда никак нельзя объединить в одно понятие «меркантилизм». И это понятно. Рошер, как сказано выше, характеризует меркантилизм не одним основным положением, а целой группой признаков, большая часть которых является просто средствами для увеличения богатства страны через внешнюю торговлю. Разумеется, если методы осуществления этой задачи признаются за решающие признаки, то Рошер должен был придти к тому выводу, что взгляды названных экономистов не могут быть охарактеризованы понятием «меркантилизм». Он говорит: «So verschiedenartige Manner, wie Mun, Child, Davenant mit dem einem Worte „Merkantilist“ zu charakterisieren, geht ebenso wenig an, als wenn ein katholischer

Kirchenhistoriker alle protestantischen Theologen von Henstenberg bis auf Strauss mit dem einem Worte „Akatholiken“ oder „Heratiker“ Einlanglich meinte bezeichnen zu haben»⁸⁹.

Исходя из рошеровской схемы, действительно, нельзя всех указанных экономистов считать меркантилистами. Но эта схема, как мы показали выше, неверна.

VII. [Итоги]

Подытожим теперь все сказанное нами выше.

1) Меркантилизм есть система экономических мероприятий, соответствовавшая первой фазе развития капитализма — эпохе торгового капитала.

2) Пионеры капиталистической системы — торговцы-скупщики стояли в сфере обращения. Основная их функция заключалась в посредничестве между сферой производства и сферой потребления. Они могли воздействовать на процесс производства только через сферу обмена. Богатство страны увеличивалось в то время, главным образом, посредством торговли. Вот почему меркантилисты считали, что единственным источником богатства является торговля, главным образом, внешняя.

3) Если источником богатства является торговля, то естественно напрашивалось положение: «Profit upon alienation», т.е. что прибыль получается только в торговле. И это объяснение природы прибыли представляет из себя отображение «непосредственной купеческой практики» той эпохи⁹⁰.

4) И именно это утверждение — что богатство страны возрастает только посредством торговли — является отличительной чертой всей меркантилистической системы. Все остальные моменты, например, отождествление денег с богатством, регламентации торговли и промышленности, являются производными.

5) Основная задача меркантилистической практики и, следовательно теории⁹¹, заключается в том, чтобы всеми мерами способствовать «первоначальному накоплению капитала», чтобы подготовить почву для следующей эпохи — эпохи промышленного капитализма. Меркантилистическая система должна была накапливать и создавать элементы капиталистического производства в феодальной обстановке, когда материально-техническая база производства оставалась старой. И, только исходя

из этой основной задачи, стоявшей перед меркантилизмом, можно правильно его понять и оценить. Таможенная система с ее ограничениями и запрещениями, колониальная политика, государственная опека над промышленностью и т.д. — все эти мероприятия являются лишь средствами для осуществления основной цели — накопления капитала и увеличения богатства страны.

б) Глубоко неправ А. Смит, который несколько раз подчеркивает, что меркантилизм есть ложная система, задерживавшая процесс развития производительных сил. Смит подходит к оценке меркантилизма не с точки зрения интересов торгового капитала. Меркантилистическую систему он анализирует и критикует под углом зрения интересов и нужд уже более или менее развернутого капитализма. Он подходит к меркантилистической системе с критерием «абстрактных вечных законов». И в этом неисторическом подходе заключается методологическая ошибка Смита при характеристике как меркантилистической, так и физиократической системы. И, разумеется, что эта методологическая ошибка, оценка меркантилистической системы «вне времени и пространства» — лишает Смита возможности дать ее правильный анализ. Рассматривая капиталистическое общество как вечную форму общества вообще, Смит должен был прийти к выводу, что все то, что предшествует стадии развернутого капитализма, является ошибкой и заблуждением. Логический подход ведет неизбежно к тому выводу, что меркантилистическая система — сплошное заблуждение. Смит поэтому не может понять закономерности меркантилистической системы и ее сущности⁹². Для него остались совершенно непонятными ограничения в области ввоза и вывоза, регламентация промышленности и т.д. Таможенную политику, например, Смит рассматривает как результат алчности отдельных купцов. Он не понимает, что она была сильнейшим орудием в руках торгового капитала для развития туземной промышленности. Таможенная система, как уже сказано выше, дала возможность регулировать производство через организацию сбыта. Конечно, когда промышленность была уже значительно развита, тогда Англия стала на путь промышленной революции, когда английские товары получили права гражданства на мировом рынке,

таможенная политика и вообще меркантилистическая система стала ненужной. Леса убираются, когда дом выстроен. Но отсюда не надо делать вывод, как это делает А. Смит, что она была не нужна и раньше.

7) Борьба меркантилистов против роскоши теряет всякий смысл и становится непонятной, если упустить из виду, что они — идеологи первоначального накопления капитала. Все мероприятия, направленные против роскоши, имели своей целью препятствовать непроизводительному потреблению и, следовательно, способствовать процессу накопления капитала. Вот почему в Англии королевская власть очень рано стала регулировать потребление, определяя из какой ткани можно шить одежду, какую пищу принимать и т.д.⁹³ Английский экономист–меркантилист Мисселден говорит: «Какое множество иностранных товаров потребляется в Англии: все это отнюдь не составляет необходимости, а между тем они покупаются на готовые деньги, которые остались бы дома»⁹⁴. Следовательно, если бы товары не попадали в сферу потребления, осталось бы в стране богатство в виде денег. Еще отчетливее и резче эта мысль о необходимости накопления капитала выражена у русского меркантилиста Посошкова в его книге «О скудости и богатстве» (1722 г.). «Иноземцы, — говорит он, — хотят Российское государство пригнать к оскудению и, издеваясь над нами, вместо *материальных* товаров ввозят к нам разные пития, да их похваляют... дабы больше у них покупали и денег бы им больше давали... и привозят к нам стеклянную посуду, чтобы нам купив, *разбить* да бросить». Здесь Посошков протестует не против ввоза иностранных товаров вообще. Он жалуется, главным образом, на то, что вводимые товары — предметы потребления, а не средства производства. Беда не в том, что иностранцы ввозят товары и, следовательно, уменьшают количество денег в стране, а в том, что **«вместо материальных товаров ввозят к нам разные пития»**.

Отражая и защищая интересы торгового капитала, меркантилисты вели борьбу против феодалов-землевладельцев, привыкших к неограниченному потреблению создаваемого в земледелии богатства. Борьба между денежным капиталом (moneyed interest) и землевладелицами (landed interest), ведшаяся «с не-

большими перерывами все столетие от 1650 до 1750»⁹⁵, была борьбой за накопление капитала. «Да и на самом деле, — говорит К. Маркс, — переход в руки ростовщика части дохода от землевладения был одним из самых главных средств накопления капитала»⁹⁶. Поэтому меркантилисты требуют ограничения потребления, расчетливости и бережливости⁹⁷.

Кольбер, сочетавший широкий творческий размах с мелочной бережливостью в расходовании народных средств, является воплощением «третьего сословия». Вот как характеризует Кольбера французский историк Луи Блан. «Кольбер, — говорит он, — соединяет в себе сильные качества среднего класса: точность счетчика, прилежание торговца, смелость спекулянта и осторожность делового человека. Скупой относительно чужого добра, зорко следящий за своим собственным, Кольбер является искусным управляющим и заинтересованным счетчиком»⁹⁸.

8) Меркантилизм не есть застывшая система. Она эволюционирует под влиянием экономического развития. Необходимо различать три этапа развития меркантилизма. Первый этап соответствует тому периоду, когда хозяйственные связи между отдельными странами были весьма ограничены. Вывоз денег казался вредным для страны; поэтому принимались меры к тому, чтобы задерживать их в стране. Это — так называемая система денежного баланса. Второй этап — система торгового баланса — соответствует тому периоду, когда торговля делала гигантские шаги вперед. Переворот в торговле вызвал изменение меркантилистических взглядов. Опыт Ост-Индской компании доказал, что вывоз денег не только не разоряет страну, а наоборот обогащает ее. Т. Ман является представителем именно этого второго этапа меркантилизма.

Чайлд и Дэвенант являются выразителями интересов торгового капитала, начинающего проникать и сферу производства. Они стоят на рубеже двух эпох: торгового и промышленного капитализма. Дэвенант говорит уже о «труде и промышленности» как источнике богатства. Чайлд подчеркивает необходимость установления низкого процента, являющегося, по его мнению, лучшим средством в борьбе с иностранцами на мировом рынке. От Чайлда и Дэвенанта один шаг к той реакции против меркантилистической системы, которая началась в начале XVIII в.

Примечания

¹ Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. 1. С. 337.

² Понятно поэтому, почему торговая буржуазия раньше всего начала борьбу с королевской властью в Голландии. Там она окрепла и встала на ноги раньше, чем в остальных странах.

³ Кольбер — министр Людовика XIV, проводивший меркантилистическую систему во Франции, называл покровительственные пошлины «костылями» отечественной промышленности.

⁴ Французское так наз. третье сословие с гордостью называло себя «королевской буржуазией».

⁵ Предание сообщает, что в 1680 г. Кольбер после поражения в войне с Нидерландами созвал съезд купцов и промышленников для обсуждения мероприятий, необходимых для поднятия хозяйства страны. Представитель купечества Лежандр будто бы заявил, что лучшим средством для этого является предоставление свободы торговле (см.: Онкен А. История политической экономии до Адама Смита. СПб., 1908. С. 254).

⁶ Маркс К. Критика некоторых положений политической экономии / пер. с нем. П.П. Румянцева, под ред. А. Мануилова. М., 1896. С. 130.

⁷ Миклашевский А.Н. История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии 19 века. Юрьев, 1909. С. 132.

⁸ М. Вебер считает началом меркантилистического периода середину XV в. Он говорит: «моментом решительного поворота к последнему (т.е. меркантилизму. — С. Р.) надлежит считать 1440 г., когда был издан (в Англии. — С. Р.) один из многочисленных Statutes of employment, направленных на борьбу с переживавшимися экономическими затруднениями» (см.: Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / пер. и под ред. И.М. Гревса. Пг., 1923. С. 218).

⁹ Ингрэм по этому поводу философствует, и, становясь в позу скептика, говорит: «часто спрашивают: под чьим влиянием возникла меркантилистическая система; вызвано ли ее существование практической жизнью или теоретическим мышлением. На такой вопрос — отвечает он глубокомысленно — дать положительный ответ невозможно» (см. Ингрэм Д.К. История политической экономии / пер. с англ. А. Миклашевского. 2-е изд. М., 1897. С. 57). Но на этот вопрос можно дать определенный ответ: меркантилистическая система вызвана именно — «практической жизнью». Меркантилистическая система представляет из себя совокупность мероприятий, направленных на развитие торговли и промышленности данной страны.

¹⁰ Миклашевский А.Н. Указ. соч. С. 129.

¹¹ Маркс К. Критика некоторых положений... С. 131.

¹² Roscher W. Geschichte der nationalen Ökonomie in Deutschland... S. 228.

¹³ Эта рошеровская схема считается общепризнанной и переходит из учебника в учебник в международном масштабе. Мы находим ее у Ингрэма (см.: Ингрэм Д.К. Указ. соч. С. 53) и у других.

¹⁴ Маркс К. Критика некоторых положений... С. 131.

¹⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.; Пг., 1923. Т. 3. Ч. 1. С. 309.

¹⁶ Таким путем переходила большая часть прибавочного продукта от крестьян и ремесленников и руки скупщиков — представителей торгового капитала.

¹⁷ Энгельс Ф. Предисловие // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2. М., 1918. С. XVIII.

¹⁸ Онкен А. Указ. соч. С. 157–158.

¹⁹ Маркс К. Капитал... С. 310.

²⁰ Edward Misselden. «Free Trade: or the Means to Make Trade Flourish» (1622) (цит. по: Янжул И.И. Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства: в 2 т. Т. 1. М., 1876. С. 60).

²¹ Thomas Man. «England's Treasure by Foreign trade: Or, The Balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure» (1713. P. 6) (см.: Янжул И.И. Указ. соч. С. 76).

²² Ch. d'Avenant и «Essay on the East-India trade» (1696) (цит. по: Маркс К. Теории прибавочной стоимости. 2-е изд. Пг., 1923. Вып. 1. С. 22).

²³ Там же.

²⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: в 3 т. СПб., 1866. Т. 2. С. 226.

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по: Янжул И.И. Указ. соч. С. 78.

²⁷ Маркс К. Теории прибавочной стоимости... С. 22. Думаем, что это замечание Маркса может быть отнесено и к А. Смигу, хотя Маркс не считает его «вульгарным сторонником свободной торговли».

²⁸ Дэвенант «Discourse on the Public Revenues, and on the Trade of England» (1698) (цит. по: Маркс К. Теории прибавочной стоимости... С. 22).

²⁹ Упрек в грубом, наивном смешении денег с богатством может быть с оговоркой отнесен лишь к этой фазе развития меркантилизма в Англии.

³⁰ Янжул И.И. Указ. соч. С. 6.

³¹ Там же. С. 10.

³² Маркс К. Капитал... С. 317.

³³ Гиббинс Г. Промышленная история Англии. СПб., 1898. С. 85–86.

³⁴ Гиббинс Г. Указ. соч. С. 91.

³⁵ Янжул И.И. Указ. соч. С. 32.

³⁶ Смит А. Исследование о природе... Т. 2. С. 298.

³⁷ Там же. С. 257.

- ³⁸ Там же. С. 268.
- ³⁹ Там же. С. 258.
- ⁴⁰ Чупров А.И. История политической экономии. М., 1915. С. 93–94.
- ⁴¹ «Нидерландцев, — говорит А. Онкен, — справедливо называли финикийцами нового примени» (Онкен А. Указ. соч. С. 193).
- ⁴² Смит А. Исследование о природе... Т. 2. С. 280.
- ⁴³ Там же. С. 277–278.
- ⁴⁴ В Англии выдавалась премия за ввоз из американских колоний сырых материалов: лес, пенька, смола, деготь и скипидар. На деготь и смолу была установлена премия в 4 ф. ст. на тонну, а на скипидар — 3 ф. на тонну (см. Смит А. Указ. соч. С. 550–551).
- ⁴⁵ Бланки А. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени с приложением критической библиографии политической экономии: в 2 т. СПб., 1869. Т. 1. С. 331.
- ⁴⁶ См.: «Forbonnais, Consideretions sur les finances» (цит. по: Бланки А. Указ. соч. С. 331).
- ⁴⁷ Бланки А. Указ. соч. С. 333–334.
- ⁴⁸ Смит А. Указ. соч. С. 332.
- ⁴⁹ Там же. С. 334.
- ⁵⁰ Там же. С. 336.
- ⁵¹ Подробнее о прениях см.: Смит А. Указ. соч. Т. 2. Гл 5.
- ⁵² Смит А. Указ. соч. С. 395.
- ⁵³ Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. 4-е изд. СПб., 1916. С. 355.
- ⁵⁴ См. там же. С. 353.
- ⁵⁵ Там же. С. 347.
- ⁵⁶ См.: Смит А. Указ. соч. С. 435–451.
- ⁵⁷ Там же. С. 452–453.
- ⁵⁸ Там же. С. 468.
- ⁵⁹ См.: Кулишер И.М. Указ. соч. С. 349.
- ⁶⁰ Смит А. Указ. соч. С. 554. Для того чтобы понять эту жестокость надо помнить, что в то время ослабление хозяйственной мощи страны равносильно было ее политическому ослаблению. Кольбер, напр., говорит: «Мы должны победить другие страны нашей промышленностью и одолеть нашим вкусом».
- ⁶¹ Смит А. Указ. соч. С. 557.
- ⁶² Там же. С. 570.
- ⁶³ Миклашевский А.Н. Указ. соч. С. 137.
- ⁶⁴ Тарле Е.В. Рабочие во Франции в XVIII веке // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1910. Т. 2. С. 217.
- ⁶⁵ См.: Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. 1. Ч. 3–4.
- ⁶⁶ Онкен А. Указ. соч. С. 171.
- ⁶⁷ См. об этом выше.
- ⁶⁸ См.: Янжул И.И. Указ. соч.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См. выше.

⁷¹ Цит. по: Смит А. Указ. соч. Т. 2. С. 228.

⁷² См.: Янжул И.И. Указ. соч. С. 80.

⁷³ См. там же. С. 78.

⁷⁴ Там же. С. 82.

⁷⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 1919. С. 206–207.

⁷⁶ Josias Child «Tarif sur le commerce» (пер. с англ., 1754, с. 110).

⁷⁷ Там же. С. 68.

⁷⁸ Там же. С. 74.

⁷⁹ Там же. С. 73.

⁸⁰ См.: Roscher W. Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre // Abhandlungen der philosophisch-historischen klasse der königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Band 2, 1857. S. 65.

⁸¹ Там же.

⁸² Цит. по: Маркс К. Теории прибавочной стоимости... С. 22.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Янжул И.И. Указ. соч. С. 80–81. Приведенные нами цитаты из сочинений Дэвенанта могут еще больше убедить нас в том, что неправ А. Смит, утверждающий, что меркантилисты принимают за богатство исключительно золото и серебро. Он говорит: «Некоторые из лучших английских исследователей (речь идет, как видно, о Мане и Дэвенанте. — С. Р.) писавших о торговле, идут от того положения, что богатство страны состоит, кроме золота и серебра, из ее земель, строений и всякого рода предметов потребления. Тем не менее, в своих дальнейших рассуждениях кажется, что земли, строения и предметы потребления уходят из их памяти, а приводимые ими доказательства по природе своей часто дают повод думать, что они принимают за богатство золото и серебро, а увеличение количества этих металлов — за главную задачу народной промышленности» (Смит А. Указ. соч. С. 257). Думается, что приведенные нами цитаты из Дэвенанта и Мана свидетельствуют, наоборот, о том, что земли, строения и предметы потребления не уходят из их памяти. Поэтому можно согласиться с А. Онкеном, заявляющим, что А. Смит «совершенно искажил картину меркантилизма, и борьба, которую он вел против него, есть борьба с ветряными мельницами» (Онкен А. Указ. соч. С. 214).

⁸⁶ Roscher W. Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre... S. 114.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 113.

⁸⁹ Там же. С. 123.

⁹⁰ Энгельс Ф. Предисловие... С. XVIII.

⁹¹ О меркантилистической теории можно говорить лишь с большой натяжкой.

⁹² Ж.-Б. Сэй — французский последователь А. Смита заявляет следующее: чем больше мы в настоящее время знаем о каком-либо предмете, тем меньше оснований заниматься изучением несовершенных и ошибочных взглядов предшествующего периода. Сэй договаривает да конца. Просто и ясно: нечего изучать историю развития экономической мысли. Неисторическая точка зрения А. Смита нашла в Ж.-Б. Сэе своего вульгарного выразителя.

⁹³ См. Янжул И.И. Указ. соч. Т. 1. С. 19–20.

⁹⁴ Там же. С. 62.

⁹⁵ Маркс К. Теории прибавочной стоимости... С. 26.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Борьба Кольбера против расточительства двора Людовика XIV была борьбой торгового капитала против дворянства, привыкшего тратить национальный доход на удовлетворение своих прихотей. Расчетливость торгового капитала лучше всего выражена у Кольбера в следующих словах, обращенных к Людовику XIV: «Ваше Величество, — говорит он, — я готов достать миллионы для Польши, если даже мне для этого придется продать все свои имения и ходить с семьей всю жизнь пешком, но излишний расход в 3 000 ливров причиняет мне неизъяснимую боль (курсив наш. — С. Р.)» (цит. по Онкен А. Указ. соч. С. 175).

⁹⁸ Блан Л. История французской революции 1789 г. / пер. А. Редкина. СПб., 1907. Т. 1. С. 177.